

Макс Фрай

Беседовать с писателем Максом Фраем в кофейне — высшая степень сообразности. Если вы читали его книги, то сразу поймете, почему. Светлана Мартынчик, которая (сообщаю непосвященным страшным шепотом) и есть Макс Фрай, сидит напротив меня. Во время нашего разговора рыжеволосый колдун, удачливый беглец от смерти по имени Макс запросто мог присесть за соседний столик с чашечкой кофе. Это вполне в его духе.

☎: Как все началось? Как возник Макс Фрай, автор и персонаж?

МФ: Не бывает так, чтоб взяло и началось. Обычно человек живет какое-то время, а потом, оглядываясь назад, выясняет, что с ним случилось еще и это. Вы «Энциклопедию мифов» читали? Имейте в виду, что история про призрака в красном кресле не выдумана.

Есть люди, которые придумывают всякие прекрасные фантастические враки. Мне бы тоже так хотелось, но я не умею. Я умею только своими словами... ну, очень близко к тексту... пересказывать то, что было на самом деле. Вольное изложение. Так что на самом деле все было, а вот до какой степени оно было, насколько оно было так, а не иначе — это уже вопрос, ответ на который при всем моем желании никогда не будет точным. Сегодня мне кажется одно, а завтра — другое. Могу только сказать, что призрак в красном кресле действительно был... И когда полгода спустя речь зашла о том, чтобы как-то подписать книжку, имя призрака уже было известно, осталось только придумать ему фамилию. «Фрай» (*frei*) по-немецки означает «без», «освобожден от» и так далее, и Макс Фрай, строго говоря, означает «без Макса». То есть фамилия — это каламбур, а Макс — настоящее имя этого настоящего-призрачного ночного портье.

☎: Что происходит с Максом Фраем, виртуальным автором и персонажем? Он повзрослел, стал мудрее или остался прежним?

МФ: Автора виртуального нет. Автор реальный. К моему величайшему сожалению, автор вполне себе мясной, костяной, с потрохами внутри. Вот персонаж, возможно, и виртуальный, хотя я не всегда так думаю. Макс Фрай, безусловно, менялся. Он стал тем самым битым, за которого двух небитых дают. Это касается и автора, и персонажа. Дело не в том, что он стал старше на несколько лет. Можно ведь прожить двадцать

лет и не повзрослеть, навсегда остаться подростком. Прекрасным или дебильным. Макс не повезло, он подростком остаться не смог. Повзрослел — да... стреляный воробей, на мякине его не проведешь уже, пожалуй. Кроме того, взросление персонажа проходило легко и прекрасно, а взросление автора — достаточно трудно. Повзрослевшему автору хотелось играть во все более сложные игры и ставить все более сложные задачи. Поняв, что это уже умеет, пошел дальше.

☎: Вы заставляете читателей поддерживать существование Ехо, побуждаете их оглядываться в поисках наков. Напугать пытаетесь?

МФ: Я никого не пытаюсь напугать. Жизнь и без моего вмешательства — достаточно страшная штука, так что я, скорее, стараюсь сказать: «Дружочки, да, все страшно очень, но, несмотря на это, — все прекрасно...». В этом страхе и ужасе, в этой жизни, в которой мы, не забывайте, все умрем, есть много прекрасного. Вы отчасти правы в том, что я стараюсь напомнить об обстоятельствах, существующих независимо от моей воли. И я, как и все, живу в этих самых обстоятельствах. Напомнив, я говорю: «Ну а теперь, несмотря ни на что, расслабим плечи и идем играть в более ин-

Я, знаете ли, просто местный призрак. Впрочем, я не доставляю окружающим никакого беспокойства: у меня нет нелепой потребности завывать во тьме безлунной ночи или, к примеру, драматически греметь цепями. У меня и цепей-то никаких нет. Я просто сижу в кресле, обитом потертым красным плюшем. Увидеть меня, кажется, совершенно невозможно. Но в красное кресло никто никогда не садится: что-то удерживает обитателей этого дома, даже самых непрошибаемых, от попыток занять мое место.

Макс Фрай. «Энциклопедия мифов».

тересную игру». А что касается конца истории Ехо... Когда несколько сотен тысяч человек, не сговариваясь друг с другом, многие бессознательно, очень хотят, чтобы Ехо существовал — думаете, это никак не влияет на текущую реальность? Простите, влияет.

☺: Мне понравилось то, во что Вы меня втянули...

МФ: Мне и самой понравилось бы... Я никогда не делаю другим того, чего бы мне не хотелось, чтобы сделали со мной. Если бы мне рассказали такую историю, я бы на крыльях летала.

☺: Что Вы сейчас читаете? Переводите?

МФ: Надо было выспаться в поезде, поэтому никакой книги за пазухой или в сумке у меня нет. Жизнь нынче хлопотная... Вы знаете, я сейчас читаю очень много текстов, которые войдут в антологию. Буду делать второй том «Русских Инородных сказок», потому что очень много хороших сказочников образовалось. Еще собираю тексты для сборника короткой прозы русскоязычных авторов из разных стран. Этого чтения пока хватает.

☺: Серьезное чтение?

МФ: Не то чтобы серьезное, но приятное чрезвычайно, потому что я текстов, которые мне не нравятся, в антологии не включаю. Если Вы о моих любимых писателях...

Власть литературы над читателем — это власть несбывшегося. Власть вашего личного несбывшегося над вами — абсолютная, беспощадная и бесконечно желанная. Пока вы лежите на диване, скрючившись в позе зародыша, с книгой в руках, с вами случается то, чего с вами никогда не случилось — и не случится! — НА САМОМ ДЕЛЕ, но разница между «самым делом» и «не самым делом» не так уж велика для очарованного бумажного странника. Пока он там — он ТАМ, все остальное не имеет значения. Но трагедия читателя в том, что писатель не маг. Он — просто человек, лукавый пройдоха, ярмарочный фокусник, иногда — замечательный фокусник, великий Гуддини, в крайнем случае — Оз, «великий и ужасный», но не более того. Чуда не будет. Вообще ничего не будет, никогда, потому что чудо должно быть Настоящим, а на Настоящее с большой буквы в жизни читателя почти не остается ни времени, ни сил — только скучное обыденное настоящее, которое с большой буквы не пишется, скорее уж с самой маленькой из букв, оказавшихся в вашем распоряжении. Наверное, я уже давно знаю, каких фокусов ждут читатели от автора, какие из фокусов они готовы принять за подлинные чудеса... Господи, да какое там «наверное», конечно же знаю, я и сам такой — один из безнадежных, запойных глотателей печатного текста.

Макс Фрай. «Власть литературы».

☺: Нет, об этом я не собиралась спрашивать...

МФ: Ну и отлично, потому что их несколько сотен.

☺: Меня интересует другое. Известен вечный читательский вопрос: «А что автор хотел сказать?» Это глупый, ненужный вопрос?

МФ: Если человек прочел книжку и у него остался этот вопрос, надо понять, чья это проблема — читателя или автора. И если потом автор еще что-то объяснит своими словами — это уже, простите меня, демагогия. Читатель закрыл книжку и с ним что-то происходит... будем считать, что вот эта фигня и есть то, что хотел сказать автор. Потому что если автор хотел сказать нечто совсем другое, то либо читатель взялся не вовремя не за свою книжку и ни черта не понял, либо автор не умеет говорить. А как выяснить, так оно было или иначе?..

У меня есть теория: на самом деле писатель и читатель — это такое содружество, которое напоминает ситуацию в футболе. Автор, условно говоря, это футболист, который дает пас, а гол забивает читатель. Тут очень важно, как сработали оба. Потому что если автор не дал пас, то, простите, самый гениальный форвард-читатель никакого гола не забьет. Если автор дал четкий пас, то работайте самостоятельно...

☺: А Вы как читатель ловитесь на те крючки, что описаны в Вашей статье «Власть литературы»? Все эти психологические трюки, которыми авторы заманивают нас на страницы своих книг...

МФ: Я знаю, что многие читатели хватаются за сердце и упрекают автора в зловещем цинизме. На самом-то деле это была чистой воды игра, вызов — препарировать чудо писательского обаяния, назвать некоторые малоприятные вещи своими именами и дать возможность человеку убедиться в том, что даже после того как чудо вроде бы препарировано, фокус разоблачен, оно все равно остается чудом, все равно работает. Объяснениям, которые можно найти в статье, грош цена, хотя ни слова неправды там нет.

Я все собираюсь и не могу написать сказку о том, как мальчик подружился с фокусником. Тот, естественно, по большой дружбе раскрыл-таки мальчику секрет фокусов. Мальчик долгие годы отработывал ловкость рук, научился делать все эти фокусы, пришел к своему учителю уже взрослым, все показал... «Ну молодец, — сказал фокусник, — все сделал на пять. А теперь попробуй то же самое без ловкости рук». В статье «Власть литературы» я старалась сделать то же самое...

☺: Значит, знание писательских фокусов ничего не отменяет...

МФ: Конечно. Например, человек, изучающий анатомию, биолог, вроде бы все прекрасно знает про гормоны и даже про половые органы. Но в один прекрасный день он влюбляется, как дурак, по уши... и все его знания этой влюбленности не отменяют.

Сколько бы он ни сидел, ни твердил себе: «это просто такие-то гормоны сейчас у меня в организме вырабатываются», — что с того? Разве это отменит его сердцебиение?

☺: Вы совершенно городской человек?

МФ: Как сказать. Так-то я городской человек, очень много лет живу в больших городах. Последние десять лет я вообще живу в большом городе Москве, а значит уже не просто городской человек, а городской монстр, скорее... Зато детство мое прошло на городской окраине, рядом с лесом. Мне надо, чтобы удобства, которые дает цивилизация, были под рукой. Я, конечно, могу носить воду из колодца и ходить в туалет под куст в течение десяти дней, но потом мне это надоест. Одновременно надо, чтобы мегаполис шумел где-нибудь подальше от меня, в стороне.

В Москве у меня так не получается. Но думаю, в скором времени мне удастся устроить свою жизнь таким образом.

☺: С каким городом у Вас самые сложные эмоциональные отношения?

МФ: У меня со всеми городами очень сложные отношения. Более сложные, чем с людьми, и более эмоциональные, пожалуй. Во-первых, надо назвать Берлин. Мы жили там в военном городке на окраине города, вокруг — частные дома с садиками, пятнадцать минут пешком до леса. Часто, сказав родителям, что иду в какой-то школьный кружок, я уходила в лес, или наоборот, садилась на трамвай и уезжала куда-то в центр: первые путешествия, о которых никто не знает. Потом меня привезли из Берлина в Одессу, которую я невзлюбила чрезвычайно. По контрасту, вероятно. Потом у меня было очень много любимых городов. Карпатский городок Ужгород, куда мне удалось сперва попасть с какой-то дурацкой экскурсией в 10-м классе, меня очаровал. Когда экскурсия закончилась, и нас на четыре часа до поезда отпустили гулять, я гуляла, распахнув глаза и сердце. Маленький такой, пряничный, абсолютно европейский городочек. В разгар советской власти вся эта неземная красота меня потрясла. Кофейни опять же...

В Одессе в то время были три известных мне кофейни. В одной был очень хороший кофе, но его пили стоя. Грязная полуподвальная забегаловка, зато самое тусовочное место в городе, известное старым одесситам под именем «Зося». Еще был шикарный по тем временам бар «Красный» при гостинице для иностранных туристов. И был молодежный клуб «Айвенго». Там подавали превосходный кофе в кофейнике, дивные алкогольные коктейли по рублю за порцию, но «Айвенго» только пару раз в неделю работал как кафе. Остальное время там проходили какие-то дурацкие комсомольские мероприятия...

А тут вдруг Ужгород — такой маленький, провинциальный, но при этом красивый. Вся эта кофейношная жизнь бурлит... Абсолютно нормальная тихая европейская жизнь, которая для человека, выросшего в

Советском Союзе, была настоящей сказкой. Я в Ужгород потом много раз возвращалась всеми возможными способами, вплоть до автостопа. Было любимое мероприятие — выйти с кем-то на трассу, остановить машину, доехать автостопом до Ужгорода, выпить кофе и вернуться после этого домой...

☺: А Петербург?

МФ: Я знаю Петербург фрагментами. Хорошо — центр, набережную Мойки, где довелось пожить, когда летом 1994 года у нас с Игорем Степиным была выставка в Русском музее. Нас поселили в совершенно омерзительной гостинице. Отвратительнее жилья не было в моей жизни: глухие узкие комнаты-пеналы, под самой крышей, с одним туалетом и одним краном с холодной водой на всех — гостиница Ленинградского союза художников. Лето 94-го года, как говорили потом, было самым жарким за всю историю города. Кроме прочего, нам велели возвращаться домой к полуночи. Гостиница была на верхнем этаже, а вход — через подъезд вниз. Здание боялись оставлять на ночь открытым. Поэтому мы каждый раз в половине двенадцатого начинали решать: то ли мы не ночуем в этот раз дома, а ночуем не пойми где, то ли надо возвращаться.

☺: То есть идиллических прогулок в белые ночи не было?

МФ: Ночи-то были белые. Поэтому город не успевал остыть, и было очень жарко. Из-за этого неприятного опыта я очень долго не любила Петербург, но помирилась с ним через несколько лет.

У меня оказалось немного свободного времени и лишние деньги в кармане. Наняла катерок и поехала кататься по каналам. Оказывается, если смотреть на город снизу, из канала, в этом ракурсе он действительно сказочно прекрасен. В финале нашего путешествия произошло одно, как я потом поняла, абсолютно питерское приключение. Мы уже возвращались назад, дело было на канале Грибоедова. Навстречу нам плыла девушка, такая Офелия, с распущенными белокурыми длинными волосами, в голубом платье, с улыбкой на лице. Было видно, что она не в горе, явно не топится, никто ее не сбросил. Совершенно довольное лицо. И она так — чап-чап — по собачьи плыла нам навстречу, и белокурые волосы за нею влачили по водам. Когда прошло некоторое оцепенение, я дядечку, который управлял катером, спросила: а как это? а что это? И дядечка мне строго сказал: «Это Петербург. У нас бывает». С этого момента я Питер люблю всем сердцем.

☺: В «Жалобной книге» есть несколько определенных домов. А что для Вас дом?

МФ: Дом для меня — это такое место, откуда можно уходить. С тихим прекрасным тайным знанием, что я в любом случае сюда вернусь и мне важно знать, что вернуться будет приятно, что сделать это можно в любой момент.

